

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.4>

ТИПОЛОГИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО БАРЬЕРА: ПРОБЛЕМА
ВЫДЕЛЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Акимова И.И.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-6198-0143;

¹ Санкт-Петербургский университет МВД, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kazyulkinamama[at]mail.ru)

Аннотация

В статье обсуждается типология китайского языка как интерферирующий фактор грамматики. О связи типологии языка и речевого мышления писал С.Д. Кацнельсон [8]. Как известно, русский и китайский языки относятся к разным типам: первый – синтетический флективного типа, второй – аналитический изолирующий. Типологическая дистанция имеет множество важнейших следствий для методики обучения китайского этносубъекта, поскольку влечет различия способов языкового кодирования. Принципиальным условием разработки конкретных методических техник является понимание морфологии двух языков и связанных с типологией языка неизбежных трансформаций при переводе. Ключевой категорией предложения является предикация. Обучение синтаксису должно вестись на основе позиционной морфологии.

Ключевые слова: функционально-коммуникативный синтаксис, позиционная морфология, грамматика китайского языка, методика русского как иностранного, тема и рема, топик и комментарий.

CHINESE TYPOLOGY AS A FACTOR OF LINGUISTIC BARRIER: THE PROBLEM OF DISTINGUISHING
PARTS OF SPEECH IN CHINESE

Research article

Akimova I.I.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-6198-0143;

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (kazyulkinamama[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the typology of the Chinese language as an interfering factor of grammar. S.D. Katznelson wrote about the connection between the typology of language and verbal thinking [8]. It is known that the Russian and Chinese belong to different types: the first is a synthetic inflective type, and the second is an analytic isolating one. The typological distance has many crucial consequences for the teaching methodology of the Chinese ethnosubject, as it involves differences in the ways of language coding. A fundamental condition for developing specific methodological techniques is an understanding of the morphology of the two languages and the inevitable transformations in translation associated with language typology. The key category of a sentence is predication. Syntax should be taught on the basis of positional morphology.

Keywords: functional and communicative syntax, positional morphology, Chinese grammar, methodology of Russian as a foreign language, topic and comment.

Введение

Структурные принципы китайского языка (КЯ), создающие лингвистические барьеры, во многом обусловлены грамматическим статусом китайской категории порядка слов. Порядок слов в русском предложении определяет коммуникативная категория актуального членения. Яркую особенность синтаксиса русского языка составляет так называемая «свобода», а по сути – функциональность русского словоупотребления. Флективный строй языка позволяет связывать отношениями предикации второстепенные члены, например: *Письмо – от брата, Мясо – собаке. Виновников – к ответу. На отдых – к морю. Во Владивосток – поездом.* Явления такого рода существенны для коммуникации и вместе с тем сложны для носителей других языков (в том числе для китайских учащихся), так как не имеют синтаксических параллелей в их родном языке.

Различие между РЯ и КЯ состоит в том, что в славянских языках главной является не категория членов предложения, а категория предикации. Это становится возможным потому, что в славянских языках формальная сторона знака указывает на направление и характер синтаксических связей слов в предложении. Поэтому для нас значим порядок СЛОВ, называющих денотативные роли, независимо от грамматического (морфологического и членопредложенческого) статуса словоформы, тогда как для КЯ как языка изолирующего строя важен порядок именно членов предложения. Китайский как язык топикового типа допускает некоторую вариативность, но в целом достаточно «жестко» увязан с членами предложения. В КЯ порядок слов грамматикализован и определяет именно формальный (поверхностно-синтаксический) уровень выражения. На основе синтаксических позиций (ЧП) определяется синтаксическая функция и частеречная принадлежность аморфного китайского слова. Например, 感冒 – это существительное в ПВ:

1. 他有感冒。 Tā yǒu gǎnmào. – Букв.: Он имеет простуда. Та же морфема определяется как глагол в предложении
2. 他感冒了。 Tā gǎnmào le. – Он простудился. С этим же связаны и возможности перестановки слов в ПВ КЯ.

С помощью грамматикализованного порядка слов выражаются частеречные и членопредложенческие значения. В этом принципиальное различие между синтетическими и аналитическими языками, которое во многом обуславливает языковой барьер. Остановимся более подробно на языковых механизмах КЯ.

Методы и принципы исследования

Как известно, для синтаксиса любого языка решающую роль играет классификация лексикона по грамматическим классам частей речи (ЧР). Мы разделяем точку зрения относительно бесформенности КЯ. Например, в предложении 天雨。 Tiān yǔ (Т'ИЭНЬ ЮЙ). (Букв.: Небо дождит) вторая морфема признается предикативным словом, хотя изначально 雨 ЮЙ – это существительное; ср. пословный перевод: *небо дождь*. Заметим, что в РЯ «дождь», как и английское «rain» – это событийное существительное, на что указывает лексическая сочетаемость с фазисными глаголами (начался, кончился, продолжается) и временным релятором (длится). Во французском языке есть только «дождит» – il pleut.

Морфологический критерий, признаваемый лингвистами основным критерием выделения частей речи в русском языке (далее РЯ), означает, что принадлежность слова к частеречному классу можно определить по характерным и явно выраженным признакам, чаще всего по аффиксации (аналогично тому, как на основе окончаний слова *глокая* и *кузdra* автоматически причисляются к разрядам (соответственно) прилагательных и существительных). А в КЯ, например, образование существительного 著作 zhùzuò (ЦЖУЦЗУО) от глагола 著 zhù (ЦЖУ) – писать – можно перевести как «сочинять», «сочинительство», «сочинение».

Основные результаты

В КЯ существует проблема выделения частей речи, и КЯ принято относить к языкам аналитического типа, так называемым аморфным языкам. Минимальная значимая единица КЯ – морфема – характеризуется полифункциональностью: способна функционировать в конкретном речевом построении как полнозначное слово, и в составе сложного слова, ряд морфем используется как служебный (именные предлоги) или полуслужебный (глагольные послелогии) формант. Так, на наш взгляд, только европоцентричной лингвистической позицией исследователей и лингвистической традицией можно объяснить выявление «падежных форм» в аналитическом (агглютинирующем) узбекском языке. В узбекском языке 6 «падежей»: основной, с нулевым показателем (аналог именительного); родительный (определятельный) с показателем -ning оформляет приимённое определение; дательный

Примечание. Предполагаем, что с языковой типологией непосредственно связано представление концентричности (символичности) мышления как самой лучшей форме организации материи. Данное представление соответствует культурообразующему принципу Инь-Ян. Символический смысл принципа Инь-Ян состоит в указании на способность вещей свободно перетекать из одного состояния в другое. Данный принцип реализуется в разных сферах жизни: в традиционно-китайских техниках живописи и каллиграфии, в разных видах боевых искусств, в философии, логике и, наконец, в языке. В соответствии с культурно-философским осмыслением соотношения категорий Инь-Ян, морфологическая неформленность знака является источником его способности выступать в разном качестве в конкретном синтаксическом построении.

В китаистике существуют диаметрально противоположные решения проблемы частей речи. Так, Люй Шусян [10] провозгласил принцип «одно слово – много (частеречных – А. И.) значений». Против признания ЧР в КЯ в середине 50-х гг. выступал Гао Минкай (高明凱 – GāoMíng kǎi) [5], полагавший, что исходного частеречного значения у китайского слова нет. Другие ученые видят решение проблемы определения частей речи китайского языка в применении нескольких критериев, как это принято в грамматиках европейских языков.

Ведущим для КЯ является синтаксический критерий выделения ЧР. Конечно, его действие ограничено лексико-грамматическими аспектами семантики. Лексико-семантический критерий подразумевает, что синтаксическая предназначенность слова к выполнению определенных денотативных ролей и, соответственно, его принадлежность к грамматическому классу частей речи определяется на основании его смысла. Характер смысла может быть денотативным – значение слова представимо в виде предмета или лица (*дом, человек*), или только сигнификативным – значение слова нельзя представить без носителя признака (*красный, бежать*). Так, морфема 桌 zhuō (ЦЖУО), вероятнее всего, будет конкретно-предметным существительным (ср. 桌子 zhuōzi (ЦЖУОЦЗИ) *стол*), как и в русском языке, лексема *солнце* (太阳 tàiyáng Т'АЙЮАН) будет реализована в единственном лексико-семантическом варианте.

В РЯ словообразовательный критерий признается одним из четырех признаков выделения ЧР, однако в изолирующем китайском языке он практически не действует. Возможности словообразования КЯ освещены в [6], [12]. В КЯ есть полнозначные морфемы, маркирующие отнесенность слова к той или иной части речи. На конкретное значение имени (существительного) в КЯ указывают морфемы аффиксального свойства.

Так, на имя существительное однозначно указывают суффиксы 子 zǐ ЦЗИ и 儿 er ЭР: 铲子 chǎnzi – лопата ЧАНЬЦЗИ, 箱子 xiāngzi – багаж ШИАНЦЗИ, чемоданы, сумки, 画儿 huàr – картина ХУЭР, 小儿 xiǎo'er – сыночек ШИАОЭР. Например, в состав сложных слов входят словообразовательные морфемы 老 lǎo ЛАО, 第 dì ДИ, 小 xiǎo ШИАО, 头 tóu Т'ОУ, 家 jiā ЧИА, 员 yuán ЮАНЬ, 性 xìng ШИН, 化 huà ХУА, 度 dù ДУ, 式 shì ШИ, 新 xīn ШИНЬ, 者 zhě ЦЖЕи другие.

Приведем примеры имен существительных, образованных с помощью данных морфем: 阿姨 āyí АИ – няня; 老板 lǎobǎn ЛАОБАНЬ – начальник; 第一 dì yī ЙИДИ – первый; 小弟 xiǎodì ЦИАОДИ – маленький братец, 花 huā ХУА – цветок; 美丽花 měilì huā МЭЙЛИ ХУА – красивый цветок (красивые цветы), 茉莉花 mòlìhuā МОЛИХУА – цветы жасмина; 石头 shítou ШИТХОУ – булыжник, камень (на конкретное значение указывает счетное слово «голова камня»); 专家 zhuānjiā ЦЖУАНЬЦЗЯ – специалист; 画家 huàjiā ХУАЦЗЯ – художник; 能手 néngshǒu НЭНШОУ – умелец, мастер (букв.: «уметь рука»); 新手 xīnshǒu ЦИНЬШОУ – новичок (букв. «новая рука»); 侵略者 qīnlüèzhě Ч'ИНЬЛЮЭЦЖЭ – захватчик, агрессор. Зная значение отдельного иероглифа, можно понять «внутреннюю форму» слова, то есть мотивировку сложного понятия, обозначаемого комплексами морфем.

Слова с абстрактным признаковым значением образуются в основном при помощи морфем 性 xìng ШИН, 度 dù ДУ, 式 shì ШИ. Например, морфема 性 xìng со значением «характер, свойство» образует признак 性热 xìng rè ЦИНЖЕ – горячий, нетерпеливый; морфема 度 dù – градус, раз входит в состав слов 高度 gāodù ГАОДУ – высота, высокий, высоко. Морфема 式 shì ШИ используется в трех значениях:

- 1) образец, форма, тип, фасон,
- 2) церемония, обряд,
- 3) формула, выражение.

Морфема 的 de ДЭ говорит об атрибутивной функции существительного и местоимения, образующего притяжательную форму при помощи данного форманта, или глагола. В служебной функции это внешняя морфема, однако она, как и другие, может входить в состав слова. Находясь в постпозиции к глаголу, морфема 的 de указывает на признак по действию. Эта морфема также может выступать в роли словообразовательного суффикса существительного. Например: 开车的 kāichēde К'АЙЧХ'ЭДЭ – «водящий машину», шофёр, водитель; 看门的 kānménde К'АНЬМЭНЬДЭ – «смотрящий ворота», сторож у ворот, привратник, швейцар.

В нефлективном КЯ не действует словоизменительный критерий частей речи. Наибольшее количество служебных и полужнаменательных морфем оформляет глагольные лексемы в качестве аспектуально-временных показателей. Морфемы 了 le ЛЭ, 过 guò ГУО, 给 gěi ГЭЙ и ряд других глагольных показателей, свидетельствуют о наличии глагола или отглагольного образования. Конструкцию с 者 zhe ЦЖЕ (作者 zuòzhě ЦЗУО ЦЖЭ) можно перевести как причастие несовершенного вида (делающий) и как абстрактное существительное со значением действия («делание», см. выше «захватчик»). Было бы неверно говорить о том, что с помощью глагольных и других служебных морфем формируется устойчивая формоизменительная парадигма. Однако это и есть показатели синтаксической формы слова, образующие синтаксемы – элементарные единицы речевых построений.

В отечественной синологии А. А. Драгунов, объединив синтаксический и морфологический критерии определения частей речи в КЯ, обосновал компромиссный подход [7], которого мы придерживаемся. Согласно его точке зрения, отнесенность слова к части речи может быть определена, с одной стороны, по способности данного слова выступать в роли того или иного члена предложения, и с другой стороны, по его лексико-грамматической сочетаемости. На основании данных критериев, все знаменательные слова КЯ он разделяет на два основных класса: имена и предикативы. К именам относятся существительные и числительные. Имена не могут самостоятельно выступать в качестве сказуемого без связи, несоединимы без ее помощи с отрицанием и наречиями степени. И наоборот, данной способностью обладают предикативы – глаголы и прилагательные. В свою очередь, в отличие от имен, глагольное слово никогда не будет присоединять показатель множественной определенности 们 men МЭНЬ. Вместе с тем А. А. Драгунов указывает на то, что действие и качество в современном китайском языке могут быть опредмечены. Слова с предметным значением выступают и как действие, и как качество. Переход из одной части речи в другую осуществляется синтаксическим путем. Таким образом, устойчивым основанием для компаративного изучения грамматик русского и китайского языков является позиционная морфология [11].

В связи с решением «вечной проблемы» частей речи в китайском языке заслуживает внимания подход, который предложен в [9]. Согласно представленной точке зрения, лексические единицы КЯ, хотя и тяготеют по своему лексическому и лексико-грамматическому значению к частеречной определенности, все же не имеют словарно закреплённой морфологической принадлежности и поэтому способны к частеречным переходам. Сказанное означает, в частности, что нельзя иероглиф «книга» соединить с показателем завершенности действия 了 le.

Перевести слово КЯ из одной части речи в другую позволяет порядок слов (см. [9, С. 173–254], [13]). В. А. Курдюмов говорит о частеречных категориях как «маршрутах, диапазонах и позициях» [9, глава IV, раздел V]. Он считает, что отнесенность китайского слова к части речи осуществляется благодаря его синтаксической функции в качестве члена предложения. По его мнению, грамматических запретов на занятие синтаксических позиций в китайском языке нет, и все ограничения, накладываемые на переходы, являются стилистическими, т. е. диктуются существующей литературной нормой.

Приводя примеры окказиональных стилистически окрашенных переходов, аналогичных разговорным русским вариантам типа «опекинуться», «референдумить», В. А. Курдюмов указывает, что примеры неправильного употребления свидетельствуют о том, что «для рядового носителя языка стабильная частеречная принадлежность слова – далеко не самая большая ценность, и ею легко жертвуют в повседневной коммуникации» [9, С. 175]. Например, глагольное значение 咖啡一下 Kāfēi yíxià. КАФЭЙ ИСЯ – *покофейничаем* недопустимо в литературном языке, но никто не в силах запретить его просторечное использование. Аналогичным и не менее ярким примером

частеречных транспозиций является разговорная фраза *Я стал пекинцем – 我北京人了。* Wǒ běijīng rén le ВО БЭЙЦЗИН ЛЭ – я «опекинился» [8, С. 183]. В связи с этим предлагает считать китайское слово носителем только абсолютно абстрактного значения, никак не соотносимого с морфологической отнесенностью слова. Например, у слова 书 shū с грамматически-нулевым оформлением в предложении *我要买书。* Wǒ yào mǎi shū предложено видеть абстрактное значение «книжность»: *Надо купить «книжность», то есть какую-нибудь книгу / какие-нибудь книги.* Грамматическая оформленность китайского слова (именного и предикатного значения) связана с выражением характера референции. Так, обозначая книгу (书 shū) при помощи комплекса морфем, говорящий тем самым сигнализирует о конкретно-определенной референции имени (这本书 zhè běn shū – эта книга; 一本书 yī běn shū – одна определенная книга, книга, о которой идет речь; 几本书 jǐ běn shū – несколько любых книг из данных; 这本书门 zhè běn shū mén – эти несколько определенных книг).

Частеречные категории выражаются в КЯ разными способами:

- 1) синтаксическим путем;
- 2) графически – путем незначительного изменения начертания иероглифа при сохранении его произношения;
- 3) путем изменения произношения (фонетика) или тона.

Наиболее важный для наших целей выявления интерферирующего влияния на уровне языковой типологии – синтаксический способ маркировки частей речи при помощи грамматикализованного порядка слов. Подлежащее и дополнение китайского предложения имеют четко фиксированные позиции, и слова, попадающие в данные позиции, определяются как имена. Позиция подлежащего – это синтаксическая позиция перед глаголом, которую, как правило, занимает первый актант, организующий пропозицию, который обычно выражается именем субъекта действия или именем носителя признака. Позиция после глагола в рамках одной пропозиции – это всегда позиция дополнения.

В. А. Курдюмов отмечает, что любой частеречный переход не может рассматриваться как случайный. Для позиционирования слова по морфологической шкале важную роль играет этимологический критерий. Любой китайский предлог в диахронии является производным от предшествующего глагольного значения. В синхронии возможно параллельное употребление языковой единицы в двух значениях. Например, 在 zài – «в», 从 cóng – «из», «от», 朝 cháo – «к» обычно трактуются как предлоги и именно в этой функции чаще всего употребляются в путунхуа: *她在大学读书。* – Tā zài dàxué dúshū. – Букв.: Она цзай (в) университет читать книжность. Но нередко названные морфемы задействованы и в глагольной функции: *他在北京。* Tā zài Běijīng. – Букв.: Он + глагол 在 zài цзай (находиться) + Пекин.

Этимология морфемы и характер ее обозначаемого (денотативное или сигнификативное значение) позволяют сделать важную оговорку: несмотря на ограниченное число основных позиций (имя, глагольный предикат, атрибутив, наречие, служебные слова), реальных оттенков гораздо больше: китайские слова могут выступать в роли герундиев, причастий, деепричастий. В примере *她只懂一个吃。* Tā zhǐ dǒng yīgè chī. ТА ЦЖИ ДОН ЙИГЭ ЧШИ. – Букв.: Он состояние знать одно/только есть. – *Он понимает только одно: «поесть», глагол «есть» находится в именной позиции.* Позиция инфинитива в КЯ – это именная позиция, заполняемая во флективных языках специальной глагольной формой. Отметим, что и в РЯ частеречные переходы отнюдь не редкость.

В РЯ системны явления субстантивации: Учащиеся написали диктант хорошо. Мне надоели твои «если бы». Проницаемы границы между неизменяемыми знаменательными и служебными частями речи, например: Шел, не смотря под ноги, и упал и Несмотря на непогоду, поход состоялся. Положи на счет в банке и Узнай насчет меня. Сравним союзы и частицы «же» и «ли»: *Маша пьет молоко. Я же (союз) пью сок; Тебе ли говорить!* (частица) и *Спроси бабушку, есть ли у нее ли хлеб* (союз).

Несмотря на эти факты, имя никогда не станет глаголом, а глагол – именем; даже в примерах *Курить – вредно* и *Курение вредно* части речи не могут нивелироваться.

Итак, для КЯ ведущую роль в определении частеречной функции морфемы в синтаксическом построении играет синтаксический критерий. Частеречная принадлежность слова может быть подвижна лишь в известных, хотя и достаточно широких, пределах, имеет коммуникативный характер и устанавливается в предложении-высказывании (далее – ПВ) КЯ на основе порядка членов предложения. Любое исходное значение теряет смысл, если синтаксис диктует противоположное.

Обсуждение

Покажем следствия языковой типологии на коммуникативном уровне предложения-высказывания. В русском языке, как известно, члены предложения (ЧП) обслуживают категорию оптативности. Под содержанием данной категории понимается индивидуальная маркировка каждой словоформы в зависимости от ее коммуникативного ранга. ЧП в ПВ РЯ представляют собой иерархизованную систему коммуникативно-значимых позиций, где наиболее высокий ранг имеет подлежащее [4].

В. А. Курдюмов считает, что КЯ надо рассматривать как язык топикового типа. В психолингвистическом понимании топик и комментарий – это составляющие первичной ментальной, т.е. психолингвистической структуры «внутренней речи» (Н.И. Жинкин). Прежде чем приступить к реализации вербальной речи, говорящий порождает серию структур, синтаксически организованных как топик и комментарий, которые затем преобразуются в подлежащно-сказуемое единство, при восприятии которого слушающий разграничивает предцизируемую информацию от предцизирующей.

Классические топик и комментарий определены как «синтаксические категории, основные компоненты предложения, находящиеся в предикативной зависимости (связь утверждается самим актом говорения), но не требующие формальной сочетаемости и ведущие себя свободно относительно друг друга». «Топик – это (предметная)

тема образования текстового (сверхфразового) уровня, локализуемая в одном из предложений в синтаксическом виде» [9, С. 123–125]. «Классическое европейское подлежащее, с одной стороны, противопоставляется топик, но с другой стороны, является одним из его вариантов: полностью включенным в падежную рамку сказуемого, достигшим полного согласования с глаголом» [9].

В топик ПВ КЯ всегда входит подлежащее, выраженное существительным. На основании порядка слов устанавливается субъектно-объектная функция, характерная для имени, атрибутивная функция, свойственная имени (прилагательному) либо глаголу. Адъективная (сирконстантная) функция имени определяет его синтаксическую позицию в предложении китайского языка. За счет единства топика достигается цельность и связность фрагмента. Комментарий же может реализовываться на протяжении всего единства (топик характеризуется всем текстом, который он контролирует). Такая организация порождает некоторую «странность» китайских дискурсивных построений.

Далее сравним разные пропозиции для денотативной структуры «Кубинские девушки танцуют удивительно темпераментно» в РЯ и КЯ. В РЯ в качестве топика может выступать любое слово, возможны синтаксические трансформы: *Кубинский темперамент девушек в танце удивителен*, где топик – «кубинские девушки темпераментно танцевать», а комментарий – «удивительно». Ср.: *Танцы кубинских девушек удивительно темпераментны*, где топик – «танцы», а комментарий – «удивительно темпераментны». Введение показателя смысловых отношений дает варианты: *Танцы кубинских девушек отличаются удивительной темпераментностью / удивительным темпераментом*.

В китайском предложении *Кубинские девушки танцуют удивительно темпераментно* имеется топик – «кубинские девушки танцуют», а комментарием является «удивительный темперамент»: 古巴姑娘跳舞的气质惊人。Gǔbā gūniang tiàowǔ de qìzhì jīngrén. ГУБА ГУНИАН ТИАО ВУ ДЭ ЧИЦЖИ Ц'ЗИНЖЕН. Букв.: Куба девушки танцевать / танец + de (показатель определительности – *танца*) + темперамент удивительный. В КЯ возможен синтаксический трансформ: 古巴的姑娘热情地跳舞人惊奇。Gǔbā de gūniang rèqíng de tiàowǔ rén jīngqí. – Букв.: Куба + ДЭ + девушка энтузиазм + de + танец (ТОПИК) | люди удивляться (КОММЕНТ.).

В РЯ китайским формам с 的 de соответствуют:

- 1) относительное или притяжательное прилагательное: 古巴的姑娘 Gǔbā de gūniang – кубинские девушки;
- 2) глагольная форма причастия, ср.: 跳舞 tiàowǔ – танцевать и 跳舞的 tiàowǔ de – танцующий.

Наречие КЯ образуется при помощи другого форманта – 地 de, ср.: 热情 rèqíng – темперамент, энтузиазм и 热情地 rèqíng de – темпераментно.

В КЯ возможна всего одна трансформация: 古巴姑娘热情的舞蹈使人惊奇。Gǔbā gūniang rèqíng de wǔdǎo shǐ rén jīngqí. – Букв.: Куба девушки темперамент + de (的 показатель атрибутивности) + танец (ТОПИК) | + привести / вызвать (使 shǐ) + люди удивление (КОММЕНТ.). Пословный перевод ПВ 2 показывает, что в КЯ возможна свернутая пропозиция: gūniang rèqíng de – «танцы девушек»; в этом случае используется глагол-релятор 使 shǐ со значением обусловленности. Порядок слов в тематической части ПВ КЯ (преддицирующем компоненте) требует постановки атрибута перед определяемым именем: «девушки + 的 ДЭ + танцы», в РЯ это свернутая пропозиция «танцы девушек». Таким образом, полного параллелизма структур в двух языках не наблюдается. Поэтому вполне прогнозируемы лингвистические барьеры, связанные с этнолингвистическим своеобразием на уровне синтаксиса.

Заключение

Китайский язык, как мы увидели, отстает от европейских языков на большую дистанцию, что и определяет недостаточно высокую эффективность обучения европейским языкам при его высокой интенсивности. Эффективности обучения в условиях КНР могут способствовать функционально-коммуникативное описание русского языка [1], [2], [3], [4] и разработка учебно-методических материалов нового типа, учитывающих позиционную морфологию и специфику китайского субъекта обучения.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Акимов И.И. Субстантивное число и детерминация в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект / И.И. Акимов. – Москва : Studia Philologica, 2015 – 143 с.
2. Акимов И.И. Лингвистические универсалии как методологическая основа обучения иностранным языкам. Функционально-семантическая категория именной темпоральности. Книга для преподавателя/ И.И. Акимов. – Москва – Хабаровск, 2013. – 167 с.
3. Ван Я. Функциональная грамматика русского языка: Предложение. Содержание. Форма и парадигма (на материале предложений с глаголами эмоционального состояния и отношения) / Я. Ван. – Пекин – Шанхай – Гуанджоу – Сиань, 1996. – 293 с.

4. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка / М.В. Всеволодова – Москва : URSS, 2017. – 656 с.
5. Горелов В.И. Практическая грамматика китайского языка / В.И. Горелов. – Москва : Внешторгиздат, 1957. – 192 с.
6. Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка / А.А. Драгунов – Москва, 1952.
7. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон – Ленинград : Наука, 1971.
8. Курдюмов В.А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов – Цитадель, 2006. – 576 с.
9. Люй Ш. Очерк грамматики китайского языка / Ш. Люй. – Москва : Наука ; Главное издательство восточной литературы, 1965. – 350 с.
10. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – Москва : Наука ; Языки русской культуры, 1999. – 275 с.
11. Семенас А.Л. Лексика китайского языка / А.Л. Семенас. – Москва : Муравей, 2000. – 167 с.
12. Солнцева Н.В. Взаимодействие частей речи и членов предложения (на материале изолирующих языков)/Члены предложения в языках различных типов / Н.В. Солнцева, В.М. Солнцев. – Ленинград : АН СССР, 1972 – 131 с.
13. 高名凯. 语法理论. 北京. 1960年. 20页

Список литературы на английском языке / References in English

1. Akimova I.I. Substantivnoe chislo i determinacija v russkom i kitajskom jazykah: lingvokul'turologičeskij aspekt [Substantive Number and Determination in Russian and Chinese: Linguistic and Cultural Aspect] / I.I. Akimova. – Moscow : Studia Philologica, 2015 – 143 p. [in Russian]
2. Akimova I.I. Lingvisticheskie universalii kak metodologičeskaja osnova obučenija inostrannym jazykam. Funkcional'no-semantičeskaja kategorija imennoj temporal'nosti. Kniga dlja prepodavatelja [Linguistic universals as a methodological basis for teaching foreign languages. Functional-semantic category of nominal temporality. Teacher's book] / I.I. Akimova. – Moscow – Habarovsk, 2013. – 167 p. [in Russian]
3. Van J. Funkcional'naja grammatika russkogo jazyka: Predloženie. Soderžanie. Forma i paradigma (na materiale predloženij s glagolami jemocional'nogo sostojanija i otnošenija) [Functional grammar of the Russian language: Proposal. Content. Form and paradigm (on the basis of sentences with verbs of emotional state and attitude)] / J. Van. – Pekin – Shanhaj – Guandzhou – Sian', 1996. – 293 p. [in Russian]
4. Vsevolodova M.V. Teorija funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment fundamental'noj prikladnoj (pedagogičeskaj) modeli jazyka [Theory of functional-communicative syntax: A fragment of the fundamental applied (pedagogical) model of the language] / M.V. Vsevolodova. – Moscow : URSS. 2017. – 656 p. [in Russian]
5. Gorelov V.I. Praktičeskaja grammatika kitajskogo jazyka [Practical Chinese Grammar] / V.I. Gorelov. – Moscow : Vneshtorgizdat, 1957. – 192 p. [in Russian]
6. Dragunov A.A. Issledovanija po grammatike sovremennogo kitajskogo jazyka [Studies in Modern Chinese Grammar] / A.A. Dragunov. – Moscow, 195. [in Russian]
7. Kacnel'son S.D. Tipologija jazyka i rečevoe myshlenie [Typology of language and speech thinking] / S.D. Kacnel'son. – Leningrad : Nauka, 1971. [in Russian]
8. Kurdjumov V.A. Kurs kitajskogo jazyka: teoretičeskaja grammatika [Курс китайского языка: теоретическая грамматика] / V.A. Kurdjumov. – Citadel', 2006. – 576 p. [in Russian]
9. Ljuj S. Očerok grammatiki kitajskogo jazyka [Chinese Grammar Outline] / S. Ljuj. – Moscow : Nauka ; Glavnoe izdatel'stvo vostočnoj literatury, 1965. – 350 p. [in Russian]
10. Panov M.V. Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka [Positional morphology of the Russian language] / M.V. Panov. – Moscow : Nauka ; Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – 275 p. [in Russian]
11. Semenias A.L. Leksika kitajskogo jazyka [Chinese vocabulary] / A.L. Semenias. – Moscow : Muravej, 2000. – 167 p. [in Russian]
12. Solnceva N.V. Vzaimodejstvie chastej reči i členov predloženija (na materiale izolirujuščih jazykov) [Interaction of parts of speech and members of a sentence (based on isolating languages)]/Členy predloženija v jazykah različnyh tipov [Sentence members in languages of various types] / N.V. Solnceva, V.M. Colncev. – Leningrad : USSR Academy OF Sciences, 1972. – 131 p. [in Russian]
13. Gao Minkaj [Grammar theory]. – Beijing, 1960. – 20 p. [in Chinese]